

DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-237-249

Происхождение спартанских царей от Геракла

А.Л. Дарвин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Происхождение спартанских царей от Геракла является второстепенным толкованием мифа о «возвращении Гераклидов», который связывался в античной традиции (Тиртей, Пиндар, Геродот, Исократ, Эфор) с дорийским завоеванием части Пелопоннеса. Сам миф о «возвращении Гераклидов» представляет собой генеалогическую фикцию, которую сочинили в Аргосе и развили дальше в Спарте. Происхождение царских династий в Спарте (Агиады и Еврипонтиды) от Геракла было веским аргументом при оправдании прав на царский титул и исполнение функций верховного жреца общины. Власть спартанских царей за пределами Спарты могла быть оправдана исходя из их принадлежности к роду Геракла. Кроме того, эта принадлежность к потомкам Гераклидов являлась, прежде всего, важным пропагандистским средством для обоснования законности владения завоеванными землями в Лаконии и Мессении и проведения «проахейской» политики властями Спарты. Однако образ Геракла и его культ не имели первостепенного значения в религиозной жизни спартанского полиса. Небесными покровителями царей выступали «божественные близнецы» – Диоскуры (Тиндариды). Мнение о влиянии философско-этического образа Геракла (как главного кинического героя) на представителей царской диархии позднеклассического и эллинистического периодов также представляется очень спорным.

Ключевые слова: спартанские цари, Геракл, миф о «возвращении Гераклидов», Тиртей, Пиндар, Геродот, Исократ, Эфор, дорийское завоевание, пропагандистское средство, «проахейская политика» Спарты

Введение

Существование царской власти в Спарте, в отличие от остальных полисов Древней Греции, никогда не было поставлено под сомнение. Спартанская царская диархия сохранялась как самостоятельный фактор политической жизни почти весь период истории Лакедемона в виде независимого государства. Это прямо указывает на консервативный и религиозный путь развития спартанского общества [7. S. 25; 8. P. 301], для которого цари являлись живыми потомками поколения героев. В связи с этим нам хотелось бы обратиться к мифологическому обоснованию власти спартанских царей как потомков Геракла. Этот вопрос тесно связан с интерпретацией мифа о возвращении Гераклидов в Пелопоннес, который большинством исследователей считается не лишенным некоего исто-

рического ядра о дорийском вторжении и завоевании этой территории [20. P. 28]. Сам процесс дорийской миграции, археологические, исторические и филологические проблемы, связанные с ним, являются, пожалуй, наиболее спорными вопросами в греческой истории [20. P. 28; 1. С. 11–14]. Поэтому нам представляется целесообразным сосредоточиться лишь на анализе тех сообщений античной традиции, которые в какой-либо степени затрагивают происхождение и генеалогию представителей царской династии в Спарте.

Исследование проблемы

Одним из самых старых сообщений в греческой литературе в этом плане является фрагмент элегии Тиртея «Eunomia» (Tirtaeus fr. 2 = Strabo VIII, 4, 10 [362 с]). Он отражает, по крайней мере, тот факт, что спартанцы в VII веке до н. э. верили в предание, повествующее, как их предки под руководством царей, происходящих от Геракла, иммигрировали на Пелопоннес из Эринея, места в Дориде, на территории центральной Греции, и претендовали на власть в Пелопоннесе по праву наследования [20. P. 28; 13. S. 238].

Приблизительно столетие спустя (498 г. до н. э.) Пиндар в десятой Пифийской оде (Pind. Pyth., X, 1 ff.) восхваляет Спарту и Фессалию, так как в них правят родственные династии, происходящие от Гераклидов. Однако в первой Пифийской оде (470 г. до н. э.) он связывает завоевание Лаконии и, в частности, взятие Амикл с деятельностью не только рода прямого потомка Геракла – Гилла, но и рода Памфилов – истинных дорийцев, происходящих от Эгимия (Pind. Pyth., I, 61–66). В пятой Пифийской оде (462 г. до н. э.) Пиндар также говорит о потомках Гераклидов и Эгимия, которые живут в Лакедемонне, Аргосе и Пилосе, то есть в Мессении (Pind. Pyth., V, 69 ff.).

Таким образом, сообщения Пиндара имеют различия с аналогичными сведениями Тиртея о происхождении спартанских басилеев. У Пиндара Геракл тоже является предком спартанских царей, но он много больше говорит об Эгимии и роде Памфилов, являвшихся предками и законодателями не только спартанцев, но и эгинцев, аргивян и мессенцев. Однако, по мнению Е. Тигерштедта [20. P. 29], разница в сообщениях Тиртея и Пиндара меньше, чем мы можем предполагать, так как в найденном в 1918 году папирусе [20. P. 47], содержащем новый фрагмент стихов Тиртея (Tirtaeus. fr. 1), говорится о трех филах (Гиллеях, Диманах и Памфилах), на которые были разделены дорийцы. Поэтому, описывая связи потомков Гилла и Памфилов, Тиртей, скорее всего, был знаком с деталями мифического предания об Эгимии, хотя он не раскрывает этого в дошедших до нашего времени фрагментах элегии.

Геродот сообщает о неудачной попытке Гилла завоевать Пелопоннес, во время которой он был убит Эхемием, царем Теги (Hdt., IX, 26–27). После смены трех поколений (условия клятвы Гилла) внуки Гилла вновь предприняли поход на Пелопоннес. Одним из них был Аристомед, который сам завоевал Лаконию. В этом месте Геродот замечает, что именно Аристомед, правнук Гилла, а не его сыновья

Еврисфен и Прокл, как сообщают сами лакедемоняне, вопреки утверждениям всех поэтов, был руководителем этого похода (Hdt. VI, 52; также см.: Xen. Ages., VIII, 7).

Далее Геродот описывает спартанскую версию возникновения диархии при рождении близнецов у жены Аристодема Аргеи. Геродот подчеркивает, что это сказание передают только лакедемоняне и только они одни из всех эллинов (Hdt. VI, 53). Несмотря на то, что версия Геродота о приходе дорийцев в Пелопоннес существенно отличается от версий Тиртея, Пиндара и Фукидида (Thuc., I, 12, 3), она также содержит в себе элементы предания о возвращении Герклидов и, соответственно, происхождении спартанских царей из рода Геракла.

Более широко детали истории о возвращении Гераклидов представлены позднее Исократом (Isokr. Archidamus, 16–25), который вложил их в уста Архидаме, сына Агесилая II. Эта речь, написанная после поражения спартанцев при Левктрах и освобождения Эпаминондом Мессении (366 г. до н. э.), содержала, помимо описания дорийского вторжения в Пелопоннес, аргументацию одинакового права спартанцев на Лаконию и Мессению. В речи утверждается, что Лакедемон принадлежал Гераклидам по праву дарения, поскольку свергнутый и восстановленный в правах Гераклом Тиндарей после исчезновения Кастора и Полидевка отдал эту землю Гераклу в качестве вознаграждения, а кроме того, из-за родственной связи Диоскуров и Геракла (все трое являлись сыновьями Зевса).

И. Малкин подчеркивает [15. Р. 37], что среди источников именно в «Архидаме» Исократ ясно отображена связь между подвигами Геракла и притязаниями Гераклидов на Лакедемон как особом праве на эту землю, отличном от права на Аргос и Мессению, так как Геракл восстановил во власти изгнанного Тиндарея с единственной целью, заключавшейся в сохранении трона для него самого и его потомства. Мессения принадлежала Гераклидам как военная добыча самого Геракла, а также как земля, переданная спартанцам сыновьями Кресфонта (законными наследниками) после его вероломного убийства мессенцами.

Как отмечает Е. Тигерштедт [20. Р. 31–32], речь Архидаме примечательна из-за своего явного пристрастия, которое, конечно, не должно быть приписано Исократу. Однако невозможно точно определить, какое произведение являлось источником для Исократ. Е. Тигерштедт предположил, что это была генеалогическая переработка мифа, такая, например, как труд Гелланика или какой-нибудь другой политической памфлет о Спарте, так как ни Геродот, ни Фукидид не снабжали его всеми этими деталями. По мнению исследователя, Исократ использовал при создании «Архидаме» тот же самый источник, что и Платон в третьей книге «Законов» (Plat. Leg., III, 683 d f). Вопрос об общем источнике для «Архидаме» Исократ и этой части «Законов» Платона впервые поднял еще Б. Низе [16. S. 69].

Окончательную форму мифу о «возвращении Гераклидов» придал Эфор, чей труд может быть частично восстановлен по большой работе Страбона времен Империи. Он сообщает об Эгимии, первобытном царе дорийцев, его сыновьях Памфиле и Диме, а также о Гилле, сыне Геракла, усыновленного Эгимием в благодарность за помощь Геракла в его восстановлении на троне.

Эфор сообщает также о более ранней неудачной попытке Гилла покорить Пелопоннес, которая, возможно, была двукратной. Аристодем, царь спартанцев, умирает у него до завоевания, что противоречит спартанской версии, рассказанной Геродотом (Ephorus fr. 15–18 = Jacoby F.Gr.Hist., II C, p. 44 ff.).

Нельзя точно установить, повторял ли Эфор данные более ранних авторов или делал собственные выводы. Как мы можем видеть, он знал версию развития событий у Геродота, но не всегда ей следовал. В любом случае версия самого Эфора стала доминирующей. Она стала первостепенным источником для детальных сообщений о возвращении Гераклидов, которые можно найти в более поздних компиляциях времен Империи, таких как «Историческая библиотека» Диодора (Diod., IV, 33, 5; 37, 3–4; 57–58), «Мифологическая библиотека» Аполлодора (Apollodorus II, 7, 3; II, 8) и «Описание Эллады» Павсания (Paus., II, 18, 7–9; III, 1, 5–6; IV, 3, 5–7; 4, 1–4; VIII, 5, 1).

По мнению Е. Тигерштедта, из анализа всех вышеперечисленных версий мифа о возвращении Гераклидов можно сделать один общий вывод о том, что пересказанный каким-либо из этих авторов миф уже не является подлинно народным преданием, а всего лишь «пропагандистской псевдоисторией в форме мифа, может быть, основанной на народном предании» [20. P. 34]. Цель создания этой «псевдоистории» заключалась в том, чтобы объяснить господство современных «Гераклидов» в Пелопоннесе, приписывая их предкам серию мифических завоеваний.

Что касается спартанских сюжетов, то в них пропагандистский мотив появляется впервые уже у Тиртея. Самую преувеличенную форму он принимает у Исократа, описывающего убийство Кресфонта еще до окончательного завоевания Мессении. Вместе с тем в других версиях он сам изображен негодяем, обманувшим своих братьев, когда был брошен жребий при разделе земли (Apoll., II, 8, 4; Polyaeu. I, 6; Paus., IV, 3, 4–5; Strab., VIII, 5, 6 (366 c); Diod., VIII, 13).

Антимессенская направленность предания указывает на то, что эта версия зародилась в Мессенскую войну, то есть не позднее времени жизни Тиртея (вторая половина VII в. до н. э.). Однако, как верно указывает Е. Тигерштедт [20. P. 34–35], некоторые обстоятельства исключают возможность того, что миф о возвращении Гераклидов был создан в Спарте. Главенствующая роль Аргоса и его покровителя Темена, который стал единственным эпонимом для царской династии в Пелопоннесе, скорее всего, указывает на то, что миф (или его основные сюжетные линии) был распространен из Аргоса [1. С. 16].

По мнению Ю.В. Андреева, сама потребность в жребии и разделе земель в Пелопоннесе между Гераклидами стала определяющим фактором в развитии сюжета легенды под воздействием политических интересов правителей Аргоса и Спарты [1. С. 21]. Дату окончательного формирования этого мифа можно отнести к тому периоду, когда Аргос все еще был лидирующим государством в Пелопоннесе.

Скорее всего, эта история получила всеобщее признание до того, как приобрела настоящую антимессенскую форму. Поэтому проспартанская или

антимессенская направленность является более поздним наслоением на основе общей сюжетной линии. Что же касается отождествления «панэллинской» фигуры Геракла с основателем царских родов Аргоса, Лакедемона и Мессении, то оно также возникло значительно позднее. Ю.В. Андреев считал, что легенда о возвращении Гераклидов представляет собой результат искусственной контаминации по крайней мере двух первоначально не связанных между собой версий предания. Объединившая эти два сюжета синкретическая версия предания возникла в результате согласования двух противоречивых традиций, одна из которых отражала честолюбивые амбиции царей Аргоса и Спарты, пытавшихся обосновать легитимность своей власти с помощью ссылок на кровное родство с самим Гераклом, тогда как другая (более древняя) хранила память о дорийском происхождении важнейших социальных и политических институтов этих государств [1. С. 19].

Как уже указывалось, из всех дорийских царских династий только аргосская носит имя своего предполагаемого предка. Лакедемонские цари – это Агиады и Еврипонтиды, а мессенские – Эпитиды. Е. Тигерштедт считал, что либо и Кресфонт, и Еврисфен, и Прокл были смещены по генеалогическому дереву в более позднее время, либо они были изобретены специально для этой цели [20. P. 34].

Все это побуждает нас признать, что происхождение спартанских царских родов от Геракла является второстепенным толкованием мифа о возвращении Гераклидов. К этому можно добавить и тот факт, что это героическое происхождение противоречит более старому преданию, согласно которому цари, как и все дорийцы, происходят от Эгимия, сына родового эпонима Дора. Поскольку разрыв с таким древним преданием был немислим, то от того и возник дошедший до нас компромисс, согласно которому Гилл, первоначально являвшийся сыном Эгимия, стал сыном Геракла, но все же приемным сыном Эгимия, а следовательно, единокровным братом Дима и Памфила.

Таким образом, миф о возвращении Гераклидов представляет собой генеалогическую фикцию, которую сочинили в Аргосе из политических мотивов, а затем переняли и развили дальше в Спарте. Эта история оправдывает и защищает первый и фундаментальный факт спартанской истории, а именно то, что спартанское государство было основано силой, с оружием в руках, по праву завоевания.

В работе У. Хуттнера, посвященной политической роли героического происхождения от Геракла и анализирующей различные примеры такой религиозной и политической пропаганды в истории Греции и Македонии, совершенно верно делается акцент на то, что при обсуждении политического значения генеалогии, восходящей к Гераклу, для спартанских царей необходимо учитывать данные источников, которые свидетельствуют о существовании в Спарте и других потомков героя [13. S. 44–46]. Таковыми являлись, например, геронт Гетомарид (Diod. XI, 50, 6), а также известный наварх Лисандр (Plut. Lys., II, 1; Arist. Pol., 30, 1). Причиной появления других потомков Геракла, как предполагает У. Хуттнер [13. S. 34], были брачные узы представителей обоих царских родов, которые заключались не только с партнерами собственно

из самих царских родов. О примерах такой генеалогии среди спартанцев нецарского происхождения уже в период Империи свидетельствуют некоторые посвященные надписи (IG IV 1 nr. 86; V 1 nr. 471; nr. 530; nr. 559; nr. 599; nr. 1174; SIG 893; SEG 11 nr. 847).

В связи с распространением традиции иметь героическую генеалогию нелишним будет заметить, что некоторые римские семейства, такие как Потии, Пинарии, а также Фабии, отчитывали свой род от Геракула (Liv. I, 7; Verg. A. 8, 185; Ov. Fast. 1, 543) [14. S. 494]. Тиртей обращается ко всем спартанцам как потомкам Геракла (Tyr. fr. 8, 1 ff.). Также и Пиндар в I и V Пифийских одах не дает точного определения потомкам Геракла и не указывает, что под теми нужно понимать только представителей спартанских царских династий (Pind. Pyth., I, 62–65; V, 69–72). Неоднозначно можно понимать и слова спартанского глашатая, сказанные им перед Ксерксом при требовании удовлетворения для спартанцев и Гераклидов за смерть Леонида, которые передает Геродот (Hdt., VIII, 114). В речи афинского посла Каллия (371 г. до н. э.), которую приводит Ксенофонт, Геракл определяется как родоначальник (архагет) всех спартанцев (Xen. Hell., VI, 3, 6). Плутарх в жизнеописании Лисандра (Plut. Lys., XXIV) подробно сообщает о реформаторском плане, который включал в себя лишение «монопольной» власти представителей двух царских домов и распространение права занимать эту должность на всех Гераклидов, а по словам некоторых авторов (Diod., XIV, 13, 2; ср.: Plut. Mor., 229 f), даже всех спартанцев. В Спарте существовала целая фила Гиллеев, т. е. потомков Гилла.

С другой стороны, нет недостатка в свидетельствах, которые признают только за спартанскими царями их происхождение от Геракла. Прежде всего, это родословные двух спартанских царских домов в лице их представителей Леонида и Леотихида у Геродота (Hdt., VII, 204; VIII, 131), в которых родоначальником выступает Геракл. В своем посвящении Агесилаю II Ксенофонт, рассуждая о благородном происхождении спартанского царя, ссылается на его генеалогическое древо, восходящее к самому Гераклу (Xen. Ages., I, 2). Исходя из этого можно сделать вывод, что все спартанские цари должны были быть Гераклидами. Существовала несомненная связь между прямым божественно-героическим происхождением и возможностью получить царский титул. Как сообщает Непот в биографии Агесилая, у спартанцев был обычай предков – всегда иметь двух царей из рода Геракла (Nep. Ages., I, 2). Из «Алкивиада» Платона известно, что существовала даже особая обязанность эфоров следить за женами спартанских царей, чтобы будущий царь не был случайно зачат от кого-то другого, не Гераклида (Plat. Alk. I, 121 b). Ксенофонт в «Лакедемонской политике» сообщает, что еще во времена Ликурга жреческие функции спартанских царей были им предоставляемы только по праву божественного происхождения (Xen. Lak. pol., XV, 2). Как справедливо отмечает Н. Рише [18. P. 248–249], изгнанный из Спарты по подозрению в коррупции Плистоанакт, согласно данным Фукидида (Thuc. V, 16, 2–3), был возвращен из изгнания

и вновь провозглашен царем после неоднократного изречения оракула Дельфийской Пифией, так как потомок сына Зевса имел полное право на возвращение на родину и господство там.

По причине подтвержденного Дельфийским оракулом происхождения не от потомка Геракла в начале V века в Спарте был свергнут царь Демарат (Hdt., VI, 65 – 69) [13. S. 49]. В следующий раз вопрос о ложном происхождении от Геракла был поднят после смерти Агиса II, в 399 г. до н. э. Тогда Агесилай, претендующий на царский титул, объявил Леотихида незаконнорожденным, ссылаясь при этом на связь его матери с Алкивиадом. Лисандр же, будучи сторонником Агесилая, своеобразно интерпретировал изречение оракула в пользу своего протеже, рассуждая о том, что очень уж хромым будет царствование, если во главе города будет стоять тот, кто не принадлежит к потомству Геракла (Xen. Hell., III, 3, 3; Plut. Lys., XXII, 3; Plut. Ages., III, 5; ср.: Paus. III, 8, 8–10).

Таким образом, в Спарте неоднократно манипулировали столь веским аргументом, каким являлось происхождение от Геракла, чтобы предъявить свои претензии на царство или, наоборот, лишить должности неудобного претендента. Высшей точкой подобных манипуляций можно признать приход к власти Ликурга в III в. до н. э., который, несмотря на свое знатное происхождение и имя, не происходил из царской семьи. Однако достоверность Полибия в этом моменте ставится под сомнение Ф. Уэлбэнком [21. P. 484], который признает Ликурга дальним родственником Еврипontiдов и Гераклидом. Тем не менее, как сообщает Полибий, чтобы стать царем, Ликург подкупил эфоров, заплатив каждому из них по таланту. Они должны были засвидетельствовать происхождение Ликурга от Геракла, чтобы оказать содействие в получении им царской власти (Polyb., IV, 35, 14).

В период своего правления, для того чтобы подчеркнуть свое происхождение от Геракла, Ликург повелел чеканить хемидрахмы с профилем Геракла [11. S. 117–124]. Подобную практику мы можем наблюдать еще ранее, в период правления Арея I, который стремился подражать во всем эллинистическим монархам и выпустил монеты, по типу почти соответствовавшие тетрадрахам Александра Македонского, с изображением Геракла [11. S. 112]. Во время правления Набиса также были выпущены монеты, на которых мы можем наблюдать образ Геракла [11. S. 124, 125, 126]. Кроме того, Набис хотел, по-видимому, помещением собственного имени на монетах показать всем свое родственное отношение к Гераклу. Как считает У. Хуттнер [13. S. 53], это вызывает правомочное подозрение ввиду, вероятно, семитского происхождения самого имени – Набис. П. Кэртлидж и А. Споуфорт предполагают, что Набис являлся потомком Демарата, бежавшего из Спарты еще в начале V в. до н. э. [9. P. 67–68; 10. Sp. 1471; 19. P. 16, 24].

Вместе с тем значительная роль, которую вообще играла личность Геракла в сознании спартанцев, находит свое выражение в том факте, что изображение героя было весьма популярным мотивом чеканок на более поздних спартанских монетах, когда Спарта уже не управлялась царями [11. S. 5, 45; 13. S. 51]. О том, что сам образ Геракла долгое время был почитаем в Спарте,

свидетельствует Павсаний, описавший рельеф на меди с изображением подвигов Геракла в храме Афины Меднодомной (Paus., III, 17, 3).

Начиная с V в. до н. э. в Древней Греции формируется философско-этическая интерпретация мифа и образа Геракла как примера добродетельной жизни [13. S. 53]. Казалось бы, подобная интерпретация мифа должна была иметь определенное воздействие на представителей царской диархии в Спарте, исходя из их принадлежности к роду Гераклидов. Однако подобное мнение можно принять лишь с некоторыми оговорками. Учения философов и речи риториков вряд ли имели широкое распространение в спартанском обществе, для которого даже в к. V – н. IV вв. до н. э. были характерны консервативные и изоляционистские тенденции. Что касается времени после окончания Пелопонесской войны, то воздействие указанной интерпретации можно распространить лишь на Лисандра (Plut. Ages., XX; Lys., XXIV, 5). Подражание Лисандра образу Геракла, возможно, нашло свое выражение в выпуске его политическими союзниками в Малой Азии монет с изображением юного Геракла, душащего змей [13. S. 54].

В этой связи важно отметить, что более позднее сравнение Лисандра с образом Геракла было не чуждо такому авторитетному философу, как Аристотель (Arist. Probl., 30, 1). Вместе с тем в противоречии между принципами реальной политики Лисандра (например, обман фасосцев во время выступления в храме Геракла и другие примеры вероломства и цинизма Лисандра [13. S. 50, 55]) и принципами открытой и честной борьбы, соответствующей потомкам Гераклидов, можно найти истоки его конфликта с Калликратидом (Plut. Lys., III, 4; Xen. Hell., I, 6, 1–5) и царем Павсанием [4. С. 461] (Paus., III, 5, 2; Diod., XIV, 33, 6). Также спорно, на наш взгляд, мнение Т. Африка о возможности сравнения Геракла как воплощения идеального кинического героя [12. P. 22–49] со спартанскими царями-реформаторами [6. P. 20–21]. По мнению американского исследователя, Клеомен III, имея склонность к кинической философии, явно подражал Гераклу и размещал изображение Геракла на своих монетах, подчеркивая свое гераклидское происхождение. Однако «проповедь» истинного кинизма содержала концепцию царской власти (в этическом аспекте), представленной в виде нереального персонажа – одинокого, бедного и страдающего базилея-философа, которого невозможно сравнивать с современными реальными политиками той эпохи [12. P. 221].

Утопические проекты философов (стоиков или киников), вызванные к жизни исходя из потребности в оправдательной пропаганде, являлись не более чем прикрытием для монархической власти, подминающей под себя полисное устройство [3. С. 188–190]. У. Хуттнер отмечает: «Свидетельства того, что спартанским царям был присущ этот обязательный нравственный идеал, единичны и необоснованны в своей подлинности. Геракл, кажется, не стал выраженным примером хорошего царя на любой случай» [13. S. 55].

Происхождение от Геракла предоставляло идеологическое обоснование для господства спартанских царей и за пределами Спарты. Прежде всего, к этому сле-

дует отнести оправдание господства над Мессенией из-за обмана Кресфонта при жребии Гераклидов. Легальность мессенской царской власти поэтому можно было поставить под сомнение, а войну Спарты против Мессении и ее подчинение объяснять лишь как восстановление справедливости. Еще одна версия толкования мифа о возвращении Гераклидов, как говорилось выше, представлена в речи Исократа «Архидам». Эта речь также является доказательством того, что отношение спартанских царей к роду Геракла было широко распространено как политический аргумент по меньшей мере в IV в до н.э. Однако и ранее (в конце VI в до н. э.) этот аргумент применялся спартанскими царями при оправдании своих внешнеполитических амбиций. На этот счет можно отнести и ссылку на ахейское происхождение Клеомена I и претензию Дориея на власть в Сицилии по праву завоевания Гераклом «страны Эрикаса» (Hdt., V, 43; Diod., IV, 23, 1–3; Paus., III, 16, 4).

Таким образом, как мы пытались показать, значение мифа о Гераклидах и героической генеалогии для идеологического обоснования спартанской царской власти достаточно велико. Также, как отмечает У. Хуттнер [13. S. 57–58], нельзя недооценивать личное религиозное отношение правителей Спарты к своему родоначальнику и осознание ими такого родства. Так, известно, например, о желании Леонида I спать в святилище Геракла в Фивах во время перехода к Фермопилам (Plut. Mor., 865 f) и причислении Геракла к составу пира, происходившего при спартанском «царском дворе», во фрагменте застольной песни Иона из Хиоса (Ion v. Chios fr. 2 [Edmonds 1968]). Кроме того, Павсаний и Лукиан (Paus., III, 14, 6–10; Lucien, Anacharsis, 38) сообщают, что на месте ритуальной битвы эфебов в Платановой аллее стояли статуи Геракла и Ликурга. Как считает Н. Рише [18. P. 477–478], такое сближение между Гераклом и Ликургом побуждает рассматривать их на одном уровне как защитников спартанских институтов, где Геракл является основоположником двух царских династий, а Ликург – легендарным законодателем полиса.

Вместе с тем, как отмечает У. Хуттнер, удивительно, что Геракл не был официальным богом-защитником и покровителем для гераклидских правителей в Спарте. Немецкий исследователь, подробно изучивший вопрос использования спартанскими царями гераклидского происхождения для обоснования своей власти, приходит к выводу о том, что именно Диоскуры были покровителями царей, которые, исходя из своей двойственности, считались символом диархии [13. S. 57]. Такой вывод подтверждают мнения и других антиковедов [8. P. 298–301; 17. P. 147].

Феномен ассоциации Диоскуров с царями в массовом сознании спартанцев был уже рассмотрен нами ранее [2. С. 375–388]. Культ Геракла, несмотря на отношение царей к его роду и присутствие образа героя уже в раннем лаконском искусстве, играл в Спарте только подчиненную роль. Также и большинство жертв, которые приносились царями во время походов, были посвящены Зевсу, Диоскурам, Аполлону, Аресу, Артемиде, Афине и музам [5. С. 41–42], но не самому Гераклу. Поэтому в роли бога-защитника царей Геракл едва ли выступал [13. S. 58].

Заключение

Исходя из анализа сообщений античных авторов, которые пересказывали мифическое предание о возвращении Гераклидов, мы можем сделать вывод, что происхождение царских семей от Геракла является его второстепенным истолкованием.

Особым спартанским добавлением к сюжету мифа о возвращении Гераклидов является история о происхождении царской династии при рождении близнецов во время правления в Спарте внука Гилла – Аристодема. Антимессенская направленность характерна для обеих версий предания о разделе земли по жребию. Это свидетельствует о том, что оно было также переработано в Спарте. Происхождение от Геракла являлось неременным условием при восхождении на престол, так как спартанские цари должны были быть только Гераклидами. Это не исключало различного рода политических манипуляций происхождением царей от Геракла, которые происходили в Спарте в разные периоды ее истории.

Вместе с тем, согласно данным источников, можно сделать вывод о существовании в Спарте других родов, представители которых также считались Гераклидами. Однако жреческие функции и царский титул являлись привилегией людей, происходящих только из героического рода, основоположником генеалогического древа которых был сам Геракл. Власть спартанских царей за пределами Спарты могла быть оправдана исходя из их принадлежности к роду Геракла.

Что же касается мнения о влиянии философско-этического образа Геракла на представителей царской династии позднеклассического и эллинистического времени, то его можно признать, по меньшей мере, дискуссионным. Образ Геракла и его культ не имели первостепенного значения в религиозной жизни спартанского полиса. Происхождение спартанских царей от Геракла являлось, прежде всего, важным пропагандистским средством для обоснования законности владения завоеванными дорийцами землями в Лаконии и Мессении в периоды ранней истории Лакедемона, а в классический период служило основой для проведения «проахейской» политики спартанских властей, связанной с отысканием и перезахоронением мощей ахейских героев, включая и перезахоронение мощей матери Геракла, Алкмены, уже в период правления Агесилая II. Это происходило при содействии Дельфийского оракула, как следование предписаниям Аполлона Пифийского. Такое пропагандистское воздействие было направлено на союзников Спарты по образованному Пелопоннесскому союзу и другие греческие общины, с целью подчеркнуть «панэллинский» характер руководства Спарты в мире греческих полисов.

© Дарвин А.Л., 2018

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Андреев Ю. В. Дорийское завоевание. Историческая проблема в свете археологии. СПб.: Нестор-История, 2015. 222 с.
- [2] Дарвин А.Л. Диоскуры как мифологический прообраз спартанской диархии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей. Выпуск 5 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. С. 375–388.
- [3] Дарвин А.Л. Сфер Борисфенит и реформаторское движение в Спарте (историография вопроса) // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Сб. статей / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Выпуск 2. СПб., 2003. С. 171–190.
- [4] Печатнова Л. Г. История Спарты (период архаики и классики) СПб.: Гуманитарная академия, 2001. 510 с.
- [5] Печатнова Л. Г. Спартанские цари. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 352 с.
- [6] *Africa Th.* Philarchus and the Spartan revolution. Berkeley: University Press, 1961. 92 p.
- [7] *Baltrusch E.* Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur. München: C. H. Beck, 1998. 128 s.
- [8] *Carlier P.* La royaume en Grece avant Alexandre / Ouvrage publie avec le concours du Centre National des Lettres. Strasburg: AECR, 1984. 562 p.
- [9] *Cartledge P.* Spawforth A. Hellenistic and Roman Sparta: A tale of two cities. London: Routledge, 2001. 328 p.
- [10] *Ehrenberg V.* Nabis (1; 2) // Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. 1. Reihe. 1935. Bd. XVI. Hbbd. 32. Sp. 1471–1482.
- [11] *Grunauer-von Hoerschelmann S.* Die Münzprägung der Lakedaimonier (Antike Münzen und Geschnittene Steine VII). Berlin: Walter de Gruyter, 1978. 229 S.
- [12] *Höistad R.* Cynic Hero and Cynic King: Studies in the Cynic Conception of Man. Uppsala: Carl Bloms 1948. 234 p.
- [13] *Huttner U.* Die politische Rolle der Heraklesgestalt im griechischen Herrschertum. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1997. 385 p.
- [14] *Lübker F.* Reallexikon des klassischen Altertums für Gymnasien. 5. Auflage, hrsg. von Max Erler. Leipzig: Verlag B. G. Teubner, 1877. 1272 S.
- [15] *Malkin I.* La mediterranee spartiate. Mythe et territoire. Paris: Les Belles Lettres, 2004. 395 p.
- [16] *Niese B.* Zur Verfassungsgeschichte Lakedämons // Historische Zeitschrift. 1889. Bd. 62. S. 58–190.
- [17] *Parker R.* Spartan religion // Powell A., editor. *Classical Sparta: techniques behind her success.* Ed. A. Powell. London: Routledge, 1989. p. 142–172.
- [18] *Richer N.* La religion des spartiates. Croyances et cultes dans l'Antiquite. Paris: Les Belles Lettres, 2012. 806 p.
- [19] *Texier J.-G.* Nabis (Annales litteraires de l'Universite de Besanson. Centre de recherches d'histoire ancienne 14). Paris: Les Belles Lettres, 1975. 111 p.
- [20] *Tigerstedt E.* The Legend of Sparta in classical Antiquity. Vol. 1. Stockholm: Almqvist & Wiskell, 1965. 526 p.
- [21] *Walbank F. W.* A historical commentary on Polibius. Oxford: Oxford University Press, 1957. 804 p.

REFERENCES

- [1] Andreev JuV. *Dorijskoe zavoevanie. Istoricheskaiya problema v svete archeologii* [Dorian conquest. Historical problem in the light of archeology]. Saint Petersburg: Nestor-Istorija Publ.; 2015. 222 p. (in Russ).
- [2] Darvin AL. Dioskury kak mifologicheskii proobraz spartanskoj diarkhii [Dioscuri as a mythological prototype of the Spartan diarchy]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Sb. statei. Vypusk 5*. [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world: collected articles. Issue 5]. Ed. by E. D. Frolov. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. 2006;(5): 375–388. (in Russ).
- [3] Darvin AL. Sfer Borisfenit i reformatorskoe dvizhenie v Sparte (istoriografiya voprosa) [Sphaerus of Borisphen and the reformatory's movement in Sparta (the historiography of the question)]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira. Sb. statei. Vypusk 2* [Mnemon. Studies and publications on the history of the ancient world: collected articles. Issue 2]. Ed. by E. D. Frolov. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Publ. 2003;(2): 171–190. (in Russ).
- [4] Pechatnova LG. *Istoriya Sparty (period arkhaiki i klassiki)* [The history of Sparta (the archaic and the classical period)]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya Publ.; 2001. 510 p. (in Russ).
- [5] Pechatnova LG. *Spartanskije tsari* [Spartan kings]. Moscow: Yauza, Eksmo Publ.; 2007. 352 p. (in Russ).
- [6] Africa Th. *Philarchus and the Spartan revolution*. Berkeley: University Press; 1961. 92 p.
- [7] Baltrusch E. *Sparta. Geschichte, Gesellschaft, Kultur*. München: C. H. Beck; 1998. 128 s.
- [8] Carlier P. *La royauté en Grèce avant Alexandre* (Ouvrage publié avec le concours du Centre National des Lettres). Strasbourg: AECR; 1984. 562 p.
- [9] Cartledge P. Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta: A tale of two cities*. London: Routledge; 2001. 328 p.
- [10] Ehrenberg V. Nabis (1; 2). In: *Pauly's Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. I. Reihe*. 1935; XVI(Hbbd. 32): 1471–1482.
- [11] Grunauer-von Hoerschelmann S. *Die Münzprägung der Lakedaimonier (Antike Münzen und Geschnittene Steine VII)*. Berlin: Walter de Gruyter; 1978. 229 S.
- [12] Höistad R. *Cynic Hero and Cynic King: Studies in the Cynic Conception of Man*. Uppsala: Carl Bloms; 1948. 234 p.
- [13] Huttner U. *Die politische Rolle der Heraklesgestalt im griechischen Herrschertum*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1997. 385 S.
- [14] Lübker F. *Reallexikon des klassischen Altertums für Gymnasien*. 5. Auflage, hrsg. von Max Erler. Leipzig: Verlag B. G. Teubner; 1877. 1272 S.
- [15] Malkin I. *La méditerranée spartiate. Mythe et territoire*. Paris: Les Belles Lettres; 2004. 395 p.
- [16] Niese B. Zur Verfassungsgeschichte Lakedämons. *Historische Zeitschrift*. 1889;(62): 58–190.
- [17] Parker R. *Spartan religion*. In: Powell A, editor. *Classical Sparta: techniques behind her success*. London: Routledge; 1989. p. 142–172.
- [18] Richer N. *La religion des spartiates. Croyances et cultes dans l'Antiquité*. Paris: Les Belles Lettres; 2012. 806 p.
- [19] Texier JG. *Nabis (Annales littéraires de l'Université de Besançon. Centre de recherches d'histoire ancienne 14)*. Paris: Les Belles Lettres; 1975. 111 p.
- [20] Tigerstedt E. *The Legend of Sparta in classical Antiquity. Vol. 1*. Stockholm: Almqvist & Wiskell; 1965. 526 p.
- [21] Walbank FW. *A historical commentary on Polibius*. Oxford: Oxford University Press; 1957. 804 p.

Origin of Spartan kings from Heracles

A.L. Darwin

Saint-Petersburg State University

7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia

The descent of Spartan kings from Heracles is considered to be the secondary myth interpretation about the “Return of the Heraclidae”. It was associated with Dorian conquest of the Peloponnese in the ancient tradition (Tyrtaeus, Pindar, Herodotus, Isocrates, Ephor). The myth of the “Return of the Heraclidae” is known to be one of the genealogical fiction what was invented in Argos and developed further in Sparta. There was a powerful argument for inheritance the rights of the royal title and performing the functions of the high priest in the community if the person was known as the descendant of Heracles belonging to the royal dynasties (Agiades and Euripontides). Apart from that, the power of Spartan kings outside Sparta could be justified if they were related to Heracles. In addition, this belonging to the descendants of Heraclides was above everything. It was one of the most important propaganda arguments to substantiate the legitimacy of the possession of conquered lands in Laconia and Messenia and provide “pro-Achaean” policy by the authorities of Sparta. However, the image of Heracles and his cult did not have the essential meaning in the religious life of the Spartan polis. The heavenly patrons of the kings were “divine twins” – the Dioscuri (Tindaridae). To conclude, it seems to be very controversial that the philosophical and ethical image of Heracles (as the main cynic hero) had a great influence on the representatives of the royal diarchy of the late classical and hellenistic periods.

Key words: Spartan kings, Heracles, myth the “Return of the Heraclidae”, Tyrtaeus, Pindar, Herodotus, Isocrates, Ephor, Dorian conquest, propaganda argument, “pro-Achaean politics” of Sparta

Информация об авторе / Information about the author

Дарвин Алексей Леонидович – аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет.

Darvin Alexey – postgraduate student, Saint Petersburg State University.

E-mail: darvin.aleksey@yandex.ru

Для цитирования / For citations

Дарвин А.Л. Происхождение спартанских царей от Геракла // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 237–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-237-249

Darvin A. L. Origin of Spartan kings from Heracles. RUDN Journal of World History. 2018. 10(3): 237–249. DOI: 10.22363/2312-8127-2018-10-3-237-249

Рукопись поступила в редакцию / Article received: 17.02.2018